

Вейко Хесслер

Как коронавирус захватил мир

Оригинал: Veiko Hessler. How the Coronavirus Took Over the World

Источник: <https://counter-currents.com/2021/03/how-the-coronavirus-took-over-the-world/>

Перевод с английского, 2021. На русском языке публикуется впервые!

Эдгар Фернхаут, голландский художник, «Череп», 1935 г.

Лексикон лживых правительственных банальностей обогатился еще одним позорным примером. «Всего три недели, чтобы сгладить кривую заболеваемости!» – заклинали они около года назад. Тем не менее, после двенадцати месяцев авторитаризма и принудительного одиночества, группы полицейского спецназа врываются в дома, чтобы арестовать завсегдатаев вечеринок во время весенних каникул в Майами, а протесты против изоляции усиливаются

по всей Европе от Амстердама до Касселя. Хваленые вакцины, похоже, не приблизили нас к свободе. Первоначальные оправдания лишения свободы, несомненно, теперь войдут в историю вместе с такими бесславными лозунгами, как «наши войска будут дома к Рождеству» и «разнообразие – наша сила». Продолжаются споры о летальности и происхождении коронавируса, но, по правде говоря, сейчас это в основном академические дискуссии. Коронавирус – явление скорее не эпидемиологическое, а социологическое и политическое. Наш вопрос должен заключаться не в том, «почему эта пандемия произошла именно сейчас», а в том, «почему правительства и общества отреагировали на нее именно так, а не иначе?»

Правда может заключаться в том, что коронавирус не появился внезапно в Ухане год назад. Скорее, он годами выращивался в психике современных обществ, как в инкубаторе. Легкость, с которой население не только мирилось с правительственными ограничениями, но и добровольно, даже с готовностью требовало их усиления, является доказательством того, что мы уже давно в душе приняли предпосылку коронавирусного локдауна. Стоит отметить, что почти все тенденции и изменения, которые, казалось бы, спровоцировал коронавирус, являются просто ускорением того, что и так уже существовало ранее: атомизация, уход из физического мира в цифровой, невротическая коллективная истерия перед лицом смерти без духовной несущей структуры, ожидание того, что правительство все за нас сделает и все нам предоставит, псевдорелигиозная вера в экспертов и спасение с помощью науки, а также гиперполитизация коммунальной, общественной и бытовой деятельности.

Рассматривая коронавирус больше как общественное явление, а не как смертельную вирусную вспышку, полезно определить, кто постоянно и упорно сопротивлялся карантинной изоляции. В первую очередь религиозные общины на Западе продолжали свою жизнь в значительной степени беспрепятственно. Всего несколько недель назад в оплоте ортодоксальных евреев Стэмфорд-Хилл в Лондоне был самый высокий уровень заболеваемости коронавирусом в Великобритании. Точно так же было несколько громких случаев разгона индийских и пакистанских свадеб и религиозных празднеств; и не осталось незамеченным, что в таких городах, как Брэдфорд и Лестер с большим населением из числа этнических меньшинств, были непропорционально высокие показатели заболеваемости Covid. У правых было популярно указывать на этот факт как на пример провала мультикультурализма, подчеркивая при этом, что иммигрантские общины не соблюдают законы страны, и что правительства слишком робки, чтобы в любом случае обеспечить их соблюдение, опасаясь обвинений в расизме. Эти моменты, конечно, верны. Но это также, возможно, больше говорит о западных принимающих иммигрантов обществах, чем о тех, кто решил иммигрировать в них.

Ломающие руки от отчаяния либералы, возможно, могли бы объяснить эту разницу в этническом отношении к коронавирусу отсутствием образования и ресурсов или нашей нечувствительностью к альтернативным культурным ценностям. В переводе на понятный язык это просто означает, что иудейские, индуистские и исламские общины не испугались морального страха перед болезнью, средний уровень смертности от которой в большинстве случаев превышал среднюю продолжительность жизни; их также не впечатлила возможность социального остракизма, если они не подчинятся. Конечно, это может быть связано с тем, что на Западе они оказываются вне какой-либо общественной критики, но, тем не менее, такая их реакция была постоянной, а не появившейся только в наши дни. Вооруженные верой, они приняли божественно фаталистический взгляд на мир и решили продолжать праздновать цикл жизни и смерти – свадьбы, рождения, похороны и дни рождения.

Пронзительные возгласы морального негодования по поводу эгоизма убийства бабушки имеют гораздо меньший вес, если вы уже приняли тот факт, что ваши бабушка и дедушка в любом случае умрут, и вы тоже умрете. В мире, раздираемом страданиями и временным хаосом, они предпочли жить осмысленной жизнью вместо того, чтобы потенциально прожить хоть немного дольше в добровольном криостазе западных обществ.

Пока эти религиозные группировки продолжают свои тайные собрания в мечети или синагоге, британцы-отшельники осмелились покинуть свои укрытия, похожие на утробу, чтобы с бездумным энтузиазмом рукоплескать Национальной службе здравоохранения в псевдорелигиозном акте поклонения. Без метафизической основы имеет значение только количество, а не качество жизни, и если медсестры и врачи являются первосвященниками этой новой религии, то их по праву следует почитать и окружать заботой. Переход от правительства олигархических менеджеров среднего звена к полному господству неизбираемой научной клики был на самом деле не таким радикальным, когда политика и так уже была сведена к не более чем рационалистическому и утилитарному решению проблем. Единственное, в чем, похоже, не согласны политические партии, это в том, будут ли ограничения достаточно жесткими, и было ли материально-техническое обеспечение полицейской деятельности и вакцинации достаточно драконовским. Никакие философские исследования целей карантинной изоляции не допускаются, но это неудивительно в обществах, которые также не позволяют подвергать сомнению священных коров демографического замещения, злоключений внешней политики или культа прав ЛГБТК+. Население за годы подавления свободы слова и независимой мысли уже было запугано и заранее запрограммировано на беспрекословное принятие новых доктрин.

Однако это не означает, что локдаун непопулярен. Если бы по вопросу введения карантинной изоляции было проведено демократическое голосование, то, вероятно, во многих западных странах ее продолжили бы и далеко в будущее,

возможно, даже на неопределенный срок. В Японии огромные слои населения полностью ушли из общества, проживая свою жизнь в своих спальнях при поддержке родителей или государства, живя в условиях полного социального позора, задержанного развития и гедонистического потребления. Японцы придумали уже и термин для этого – хикикомори («нахождение в уединении»). То, что на первый взгляд может показаться аномалией японской культуры, на самом деле является взглядом в будущее современного общества. Сегодня мы все хикикомори. Значительная часть людей не спешит возвращаться к «нормальности», потому что нормой для них была просто социальная изоляция и отчуждение с дополнительными требованиями, предъявляемыми к ним. Что еще предлагает этим людям внешний мир? Ответом на этот вопрос для все увеличивающегося количества людей является бездушная, ненужная и неудовлетворяющая корпоративная работа в атомизированном мире, где никто вокруг вас не похож на вас, на фоне совсем неотличимых друг от друга городов.

Швеция, возможно, является наиболее продвинутым примером этого окончательного упадка современного мира, но в ней были самые мягкие ограничения в Европе. Поначалу это кажется парадоксальным, но во многом это только подтверждает данный анализ. Ввиду огромного количества мигрантов, которые по причинам, изложенным ранее, не соблюдают никаких ограничений, и с полностью атомизированным и самоцензурирующимся обществом Швеции, в котором почти 40% людей живут в одиночку, формальные юридические ограничения, возможно, считались ненужными, когда подавляющее большинство населения и так само будет следить за собой вместо полиции, следуя «Закону Янте» (т. е. своду неписанных правил, нарушить которые для шведа означает вызвать к себе презрение общества, и именно поэтому он их не нарушает, так что и полиция для контроля за соблюдением этих правил, по сути, и не нужна – прим. перев.), и сообщества мигрантов все равно никогда не удастся заставить подчиняться.

Все это иллюстрирует одно фундаментальное осознание: структуры стимулов в западных обществах радикально изменились за последние несколько десятилетий. Приобретение богатства, передача ваших генов следующему поколению и получение социального статуса в местном сообществе были заменены демонстрацией показной добродетели и восхождением по лестнице социального влияния в глобальном цифровом сообществе. Мы живем в Сети. Наше сообщество – это наша лента в Твиттере, наша группа в компьютерных играх, наши тщательно отобранные фотографии в Instagram. Сама по себе эта оценка не является оригинальной или убедительной, но мы также должны понимать, что и природа цифровой жизни изменилась. Если раньше социальные сети позиционировались как средство связи и поддержания контактов с реальными друзьями, то теперь это средство конформизма, группового мышления и пассивности. Это обстоятельство подчеркивается одним тонким, но очень важным

изменением в языке социальных отношений. Другие больше не «друзья», какими они были на заре социальных сетей, вместо этого они теперь просто «фолловеры».

Социальное взаимодействие в сети перестало быть двунаправленным и взаимным; это теперь взаимодействие преданного приверженца и лидера культа. Это менталитет раба и господина. Поэтому маловероятно, что внезапный бунт против общепринятого консенсуса возникнет у тех, кто даже в своем частном онлайн-доме является лишь пассивными чирлидерами. Дело в том, что физический мир потерял власть над современным воображением. Выходить из дома, чтобы заработать на жизнь – это почти архаичное занятие, когда мы постепенно приближаемся к государствам, настолько всеобъемлющим и всеохватывающим, что они обеспечат всеобщий базовый доход за счет печатания бумажных денег. Появление и рост курса биткоина – это реакция на ощущение, что наши экономики – это гигантская фикция, накопление долгов, которые никогда и не должны быть выплачены, под председательством горстки олигархов, владеющих большим богатством, чем мы могли бы даже представить. В таких условиях выходить на улицу и ехать в офис кажется ужасно устаревшим занятием. Кроме того, в эпоху цифровых технологий, секс был низведен до сольной деятельности, как порнография вытесняет продолжение рода для поколения OnlyFans. На Западе по мере закрытия пабов и церквей становится все меньше и меньше общественных «якорей», точек опоры. Все это способствует возникновению ощущения, что в мире нет ничего ценного, и поэтому потеря свободы выходить на улицу и общаться для многих была скорее неудобством, чем вопросом жизни и смерти.

Однако значимость смертности играет огромную роль в нынешнем кризисе. Использование страха за свое здоровье для внушения соблюдения государственной политики оказалось настолько успешным именно потому, что население уже было настроено на то, что его здоровье подвергается риску. Так уж сложилось. Тучное, стареющее, психически и хронически больное население уже хорошо знакомо с внутренним страхом собственной нетрудоспособности, инвалидности и смерти. Игра на этом – идеальная PR-стратегия, которая была бы немыслима в сильном и жизнеспособном обществе.

Все эти факторы способствовали тому, что коронавирус захватил мир, и в совокупности они означают долгую зиму для человеческой свободы. Утраченные нами свободы, возможно, будут постепенно восстановлены в ближайшие месяцы и годы, но мы сами продемонстрировали полную добровольную готовность отказаться от своих прав и вовсе не торопились просить вернуть их обратно. Нет оснований полагать, что какое-то иное событие, подобное коронавирусу, не может повториться. Мы живем в эпоху хронической, а не острой политики, когда нарративы тянутся месяцами и годами. Основные культурные и социальные недуги, коллективный невроз и духовная смерть огромных слоев

Запада не могут быть быстро преломлены кардинальным образом и обращены вспять.

Наш единственный выход – начать заново укореняться в аутентичной хайдеггеровской жизни, искать единомышленников и строить крепкие и устойчивые сообщества, которые могут процветать в этом мрачном экзистенциальном ландшафте. Пока другие проживают свои жизни в состоянии застоя, мы должны вместо этого с энтузиазмом принять реальность – и работать, чтобы вернуть ее.

Библиотека Велесова Слобода, 2021 г.